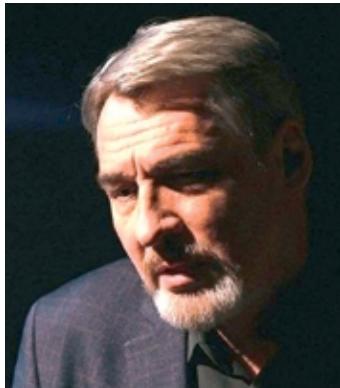

**ТИТОВ
АЛЕКСАНДР
ЮРЬЕВИЧ**

Орловский государственный институт культуры (ОГИК), руководитель Научно-просветительского центра им. М.М. Бахтина при ОМДТ «Русский стиль» им. М.М. Бахтина. Кандидат педагогических наук, профессор.

Орёл, Россия.

E-mail: VittoAl@yandex.ru

УДК 929.52

**ТЁМНЫЕ МЕСТА И ПРОКЛЯТЫЕ
ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ФАМИЛИИ И РОДА М. М. БАХТИНА:
К ОПЫТУ ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ
ГЕРМЕНЕВТИКИ**

Аннотация. Статья ставит методологические вопросы к метамеждисциплинарному подходу в интерпретации документально-исторического факта как свидетельства персонально-личностной судьбы М.М. Бахтина. Известные методологические принципы историзма и системности в вопросах исследования генезиса родового номена (фамильного прозвания) Бахта/Бакта и родословия *familia* (семья) Бахтинских рассматриваются в топографическом измерении взаимодействий и взаимодополнений с методологией М.М. Бахтина. Автор представляет экспертные историко-генеалогические материалы к активному обсуждению темы «солидарности рода и судьбы» в научно-творческой и персональной биографии М.М. Бахтина в подходе структурного изоморфизма кода генетического и кода культурно-лингвистического. Впервые дана полная топографическая схема двенадцати мужских колен традиционного для родословной росписи периода «трёх веков» XVII-XIX столетий с выходом к истокам родоначалия в глубине XV-XVI веков. В канун 130-летия со дня рождения М.М. Бахтина Орловский Научно-просветительский центр им. М.М. Бахтина предлагает к дискуссионному обсуждению в рамках Бахтинского семинара тему «Бахтин – фамилия гражданина Атлантиды».

Ключевые слова: род, фамилия, Бахтинский фамилиекон, Бахтинский ономастикон, топографическое тело топонимов и гидронимов Бахта/Бакхт/Бакота, топографические хронотопы рода Бахтины (*The Bakhtins*), «явились из пустоты» концепт исторического забвения, мужская поколенная роспись, принцип незавершённости фамилии Бахтин.

Alexander Y. Titov

Orel State Institute of Culture
E-mail: VittoAl@yandex.ru

**DARK PLACES AND CURSED
QUESTIONS OF THE ORIGIN OF THE
FAMILY NAME AND LINEAGE OF
M.M. BAKHTIN: TOWARDS THE
EXPERIENCE OF HISTORICAL
AND GENEALOGICAL HERMENEUTICS**

Abstract. The article raises methodological questions to the meta-interdisciplinary approach in interpreting documentary historical fact as evidence of M.M. Bakhtin's personal destiny. The well-known methodological principles of historicism and consistency in the study of the genesis of Bakht's ancestral nomena (family nickname) and Bakhtina's familia (family) are considered in the topographic dimension of interactions and complementarities with the methodology of M.M. Bakhtin. The author presents expert historical and genealogical materials for an active discussion of the "solidarity of the family and fate" in the scientific, creative, and personal biography of M.M. Bakhtin in the approach of structural isomorphism of the genetic code and the cultural-linguistic code. For the first time, a complete topographic description of the twelve male generations of the traditional "three centuries" of the 17th-19th centuries is provided, with access to the origins of the family in the 15th-16th centuries. On the eve of the 130th anniversary of Mikhail Bakhtin's birth, the Mikhail Bakhtin Research and Educational Center in Orel invites you to participate in a discussion at the Bakhtin Seminar on the topic "Bakhtin: The Last Name of an Atlantean Citizen."

Keywords: family, surname, Bakhtin family name, Bakhtin onomasticon, Bahta/Bakhtya toponymic and hydronymic body, Bakhtin family toponymic chronotopes, "appeared from the void" concept of historical oblivion, male generation list, principle of incompleteness of the Bakhtin surname.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-134-157

© A. Ю. Титов 2025

Введение в круг методологических вопросаний

Несколько лет назад Орловский Научно-просветительский центр им. М. М. Бахтина начал публикацию архивных материалов с целью привлечь внимание к вопросу междисциплинарного научного исследования родословной семьи Бахтины [Титов 2023]. Дальнейшая рубрика реархивации документальных источников была временно приостановлена в первую очередь по причине отсутствия целостной генеографической картины фамилии и рода Бахтиных. Мы пришли к выводу, что преждевременная публикация документов с сильной социальной маркировкой может только повторить и усугубить ошибки предшествующих попыток родословной реконструкции, что в генеалогии называется созданием «тупиковой ситуации». Составление родословной на источниковедческом материале трёх-четырёх и даже шести поколений вызывает не только эффект незавершённости, но способно ввергнуть в то «не-бытие забвения», откуда нет возвращения.

На настоящий момент мы можем с доказательно аргументированной достоверностью вывести поколенную роспись 12-ти классических («бibleйских») мужских колен рода Бахтиных. В контексте фамильных – семейно-родовых отношений установлена хронологическая вертикаль поколенной росписи по мужской линии одной родовой ветви Бахтиных, в интервале её нижней границы от конца XVI века (1580-е гг.), и, соответственно, в «верхней» границе периода роста и затухания данной ветви семьи Бахтиных на братьях Михаиле и Николае. «...И то поколение пресеклось...»

Но и этого «интервала», подтверждённого фактографическими данными экспертной историко-генеалогической базы, будет недостаточно для того, чтобы преодолеть напластования тех «глубин забвения», на которые погружаются истоки родовых корней и фамильно-родового прозвания. А без этого мы не сможем ни верно интерпретировать факты, ни правильно понимать всех перипетий историко-генеалогического развития родословной фамилии Бахтины. Исключительный момент историко-генеалогической герменевтики в переходе от герменевтики неопределенности к моменту приближения к истокам родового прозвания – место и время (хронотоп) зарождения рода – позволит с достаточной степенью уверенности верифицировать и приблизиться к пониманию «тёмных мест» и «проклятых вопросов» происхождения фамилии и рода М. М. Бахтина.

Прежде всего требуется отметить, что нетождественность понятий «фамилия – семья – род» в их исторической динамике взаимодействия является методологическим принципом нашего исследования. Экстраполируя современное понимание фамилии в его узком значении как «наследственное семейное именование» на эпоху становления её социальных функций, например, в XVI столетии, мы нарушаем принцип историзма, модернизируя явление и приводя его к некой унификации. То, что мы сегодня подразумеваем под словом «фамилия», называлось «родовым прозванием» (аналогично «фамильно-родовое прозвание»), «наследственным родовым именем, ведущему начало от общего предка». И только в 1818 году за разногласием в Сенате Государственный Совет пришёл к заключению, что под словом «фамилия» нельзя понимать

иначе, как «семья»=«род» (*familia*), а не прозвище (*nomen*) [Карнович 1886]. «Порвалась связь времён», – а это значит, что разрыв почвенно-родовых генеалогических связей начался далеко не с октября 1917 года и уходит в толщу столетий на глубину забвенья родовой памяти, а, следовательно, памяти исторической, то, что М. М. Бахтин интегрировал в универсум «Большое время».

Мы делаем акцент на том, что методология исследования родословия Бахтиных «задана» методологией самого М. М. Бахтина – в контексте «Большого времени». Более того, «методология» Михаила Михайловича – его индивидуальный путь и родовая судьба, его научно-творческая биография и биография персональная – переплетены в классическом структурном изоморфизме кода культурно-лингвистического и кода генетического и слиты в «квантовой запутанности» в единое целое. Одно невозможно оторвать от другого, даже если они находятся на большом расстоянии друг от друга – квантовая запутанность по Бахтину – «сближение с далёким без указания посредствующих звеньев». Но в нашем случае самим предметом исследования является тот «длинный ряд посредствующих звеньев», через который «мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упремся в человека» [Бахтин 1975: 401]. Детально реконструируя и восстанавливая пространственные и хронологические разрывы, обусловленные прерывностью малых эпох, памятую о континуальности потока большого времени в единой системе хронотопических взаимодействий, мы занимаемся расшифровкой культурно-генетического кода родовой фамилии «Бахтин» с целью пробиться сквозь толщу вековых забвений к родовому прозванию (*nomen*) как непрерывной истории рода.

Павел Флоренский в работе «Время и пространство» наметил строго научный методологический круг вопросов родового самопознания и самоопределения: 1. Структура рода (строение – форма – задачи рода). 2. Динамика рода (закон его роста и критические точки взаимодействия ветвей). 3. Родовая самоидентичность (своё место в роде «члена рода как органа высшего целого») [Флоренский 1988: 112–113]. Михаил Михайлович Бахтин, ввиду полного отсутствия информации по первым двум базовым предпосылкам генеалогического исследования, строго следя своему «мировоззренческому ядру», сосредоточился на своём «единственно единственном месте» родовой самоидентичности «члена рода как органа высшего целого» в мистерии родовой судьбы.

Целью настоящей статьи является постановка комплекса «вопросаний» к методологической проблематике историко-генеалогической герменевтики родословия фамилии Бахтины. Всё многоголосие этих вопросаний объединяется в единое звучание, – ПОЧЕМУ происхождение фамилии и рода М. М. Бахтина находится в «небытии забвения»? Из чего, собственно, и происходит энigmатический комплекс «секретов личности» [Аверинцев 2021] биографии Бахтина и «тайн бахтинского историзма» [Гоготишвили 1992] в научной биографии «учёного и мыслителя» и добавим обязательное и насущное – «методолога». И почему методология Бахтина уходит на «глубину забвения», а не в завещанную им «глубину проникновения»? Ответ на эти вопросы требует погружения «путем расширения далекого контекста» с необходимым условием, заданным в стихотворных строчках гениального лингвиста В. М. Илич-Свитыча, пожалуй, единственного учёного, конгениального М. М. Бахтину (в эту компанию, несомненно, входит Ю. В. Кнорозов). На реконструированном

им ностратическом («общем») языке Владислав Маркович написал стихотворение: «Язык – это брод через реку времени, / он ведет нас к жилищу ушедших; / но туда не сможет прийти тот, / кто боится глубокой воды» [Иллич-Свityч 1974–1984].

Научная и провиденциальная (инонаучная) проницательность Сергея Сергеевича Аверинцева согласовала личный трагизм судьбы Михаила Михайловича Бахтина с историей родовой трагедии в гениальной формуле – «солидарность судьбы в солидарность рода» [Аверинцев 2021]. И снова вопрос: почему эвристический потенциал этого методологического принципа оказался не востребован? «Солидарность рода» – в солидарность истории России и всего «человеческого целого» (к вопросу о всемирной востребованности методологии Бахтина). «Гражданин Атлантиды» – глубокая и красивая метафора – очень значимая для самого Аверинцева и его личная глубоко «непрограммированная» тайна, как «мемориал Паскаля» в подкладке камзола. Есть ли опасность проговорить эту «тайну», болтать в профанической суете научно-гипотетических дискурсов – вопрос ответственности исследователя и его личной родовой памяти в круге родовых переплетений Болотовых, Буниных, Булгаковых, Григорьевых, Исуповых, Страховых, Чичериных и прочих «граждан Русской Атлантиды» («родовые круги Бахтина»). Так что в своей ответственной заданности мы мним воссоздание «фамильно-родового паспорта» Михаила Бахтина, гражданина «трёх атлантид» (как минимум). А тайна рода неисчерпаема «от рода в род», «из рода в род» – в той огромной пространственной протяжённости во времени из «поколения в поколение» (от хронотопа к хронотопу). Генеалогические правила длительности и протяжённости «счёта» родовых объединений унилинейны, например, по патрональной вертикали, и билатерально неунилинейны, в обязательном горизонтальном расширении. К сожалению, существенные пробелы в источниковой базе не позволяют даже близко приблизиться к матримониальной линии бахтинского рода, играющей в его судьбе значительную роль. И только благодаря редким, чудом сохранившимся, вотчинным тяжбам по земельной собственности мы узнаём о судьбах Марфы Яковлевны Чичериной-Бахтиной (во инокинях схимница Марія) пра-прабабки А. С. Пушкина, а из судебных закладных – Анисьи Ивановны Бахтиной, прабабки Михаила Бахтина. Эти два примера являются поистине образцами женского самопожертвования в моментах критических переживаний рода.

В контексте нашего исследования понятие судьбы конкретизируется в исторических терминах «судьба города» и «судьба земли», которые конфликтно онтологизируются в категориях «цивилизационность» и «почвенность» в солидарности эсхатологической почвенности судьбы, в которой «Большая память по-особому понимает и оценивает смерть» [Бахтин 1985: 520]. В судьбе рода Бахтиных и множества других русских родов абстрактные понятия укореняются в глубине корней родовой телесности.

От языка метафор к языку науки: «солидарность рода» научно именуется как неразрывное единство биографики (просопография), генеалогии и антропонимики [Кобрин, 2008]: фамильное прозвание – род – судьба. Случайно ли совпадение фамилии «Бахтин» с фамильным прозванием родоначальника «Бахта» и с тем семантическим кумулятивом индоевропейской этимологии слова «бахта» – судьба, удел, путь, поток (водного течения в стеснённых обстоятельствах). Тематическая система значений значительно расширяется

при восхождении к пра-ностратическому корню bg- «достаточно, чрезмерно» в исходном значение «быть в излишке» (влдл) [Иллич-Свитыч 1974–1984]. Методологическая избыточность Бахтина фамильно запрограммирована в многоуровневой множественности ракурсов полигонального и гетерогенного сознания Бахтина – в «глубине первоначал бытия» и контекстуальной широте в «сближении с далёким».

«Тёмные места» и «белые пятна», «затемнённая внутренняя форма» и «тайны», «загадки», «секреты»... Или... «фигуры умолчания», «виртуозные пассажи забвения»? К этим, зачастую спекулятивным, оборотам речи мы обращаемся, отталкиваясь от статьи 1993 года «Вопрос о родословной М. М. Бахтина: Всё ли так ясно?» исследователя и биографа Н. А. Панькова [Паньков 1994]. Слишком много безответных вопросов в «пустоту». В наших исследованиях документально-архивных материалов из «глубины забвения» всплыл такой «протокольный» концепт – «явились из пустоты». Эта форма записи начинает встречаться в Переписных книгах переломного XVIII столетия – «явились из пустоты, записаны в пустоту», – люди не знают или не желают знать своей родовой преемственности, так или иначе, отказываясь от неё. «Пустота» как мотив «небытия забвения»? Или «пустота» как интервальный пробел, задающий резонансную синхронизацию «с далёким» и «глубоким», заполняющую эту «пустоту»?

Бахтин вышел из «пустоты небытия забвения» по-своему – в манере Бахтина. И если у Михаила Михайловича «не хватило жизни» на изучение мистерии, что следует из случайного разговора [Уварова 2012], то сама его жизнь и есть персонально воплощённая мистерия родового тела в «единственно единственном» «трагическом топосе» индивидуального проживания Большой памяти. Эта родовая и фамильная солидарность прослеживается и в «самоопределении» (аутентичности) научной биографии, методологии и мировоззрения Бахтина, по словам Аверинцева, «внутри того «хронотопа», в котором Провидение определило состояться его мысли» [Аверинцев 2021]. «Деликатный» вопрос об устной (так же, как и письменной) автобиографии или «устной истории», с неизбежными «легендарными» коннотациями и деформациями реальности, может представлять собой объект научного исследования в сопоставлении с родовой историей, основанной на фактах динамики исторической действительности, а не времененной социальной маркировки. И требуется помнить о «методе жанра» Бахтина, – жанр дворянских родословных представляет собой официально деформированную регламентацию костюмированного карнавала на ярмарке тщеславия (эпатажный гротеск родословий П. Долгорукова). Владея и управляя собой, жанры начинают владеть и управлять тобой, но в большом контексте родовой истории в глубинах персональной судьбы доминирует жанр трагедии.

Эрих Юрьевич Соловьёв сформулировал методологический принцип «возвращение к факту», как тематическую направленность жанра биографики, – «человек в объективной драме истории» [Соловьёв 1991]. В нашей контекстуальной ориентации вопрошания биографический жанр персонально конкретизируется – «Бахтин в объективной трагедии рода». И поскольку заданная «объективность» обусловлена созданием экспертной документально-источниковедческой базы, то герменевтический план интерпретаций и трактовок генерализирует жанр «документальной трагедии возрождения».

Ставший уже традиционным системный подход и системный анализ, к сожалению, не соблюдается в региональном подходе ввиду отсутствия целостного видения общей динамики родового становления и фамильного разветвления, обусловленного структурными связями и отношениями внутри целого. С основаниями общей классической методологии по принципу дополнительности вступает в активное взаимодействие «инонаучная» методология М. М. Бахтина и «тайна» бахтинского «возрожденческого» историзма в едином и целостном объёме родовой, историко-генеалогической «топографической схемы» [Гоготишивили 1992: 34]. Понятие хронотопа в данном случае структурирует единую топографическую картину «родового тела» в персональных воплощениях фамилии рода Бахтины – служилых людей по отечеству.

Историческая память = родовая память = Большая память индивидуального тела М. М. Бахтина. Разрывы – пустоты – индивидуально-персональная трансгрессия.

История рода не развёртывается в «официальной» линейно-стадиальной централизации, которой подвержен нормативно-бюрократический институт фамилий, иерархически связанный с системой распределения и учёта «народонаселения». Живая историческая память из «рода в род» питается корневой системой бифуркационных разветвлений, генетических мутаций, а также разрывов и усыханий. Серьёзные учёные историки и лингвисты прекрасно понимали «нерентабельность» и «трудоёмкость» монографического исследования по истории одного рода в силу разбросанности источников базы, особенно косвенных материалов ввиду отсутствия основных архивных описей. Необходимость междисциплинарного подхода обрекает усилия одного исследователя на ошибочные интерпретации, связанные либо с узостью специализированных тенденций, либо личных «любимых предрассудков», которые зачастую случаются в энтузиазме краеведов и генеалогов-любителей. Как показывает практика, дилетантизм в смежных областях неизбежен, а потому требуется синергия коллегиальных усилий научного сообщества в диалогическом обсуждении вопросов общего и персонального родословия братьев Николая и Михаила Бахтиных.

Цель настоящей статьи – представить общий круг исследовательских задач по реконструкции объёмного единства «топографической схемы» бахтинской многомерности и гетерогенности, что потенциально заложено в генетическом коде фамилии и рода М. М. Бахтина. Топографический подход в научной методологии самого Бахтина делает возможным в интервальном режиме конкретно-исторических хронотопов восполнить разрывы и сдвиги историко-генеалогической континуальности. Актуализация генеалогической герменевтики «разрывов» именно и задаёт тот ценностно-аксиологический вектор вертикали Большого времени, открывающий возможность индивидуального переживания, как онтологической глубины почвенных укоренений, так и метафизических высот надбытийственных потоков.

Бахтинский родовой фамилиекон

История фамилии – очень сложный и опасный вопрос не только для любителя, но и профессионала. И тут мы ступаем на тонкий лёд, под которым затаилась бездна (точнее «Атлантида», опустившаяся на глубину бездны).

Например, фундаментальное исследование «Русские фамилии» Б. О. Унбегауна просто не включает фамилию Бахтин. И даже Б. А. Успенский, прекрасно знавший Бахтина, в своих комментариях и широкого круга фамильных дополнений к списку Унбегауна не «вспоминает» о Михаиле Михайловиче [Унбегаун 1989]. Монография-словарь тюрколога Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» не однократно подвергалась критике со стороны русских славистов, но за фамилией Бахтиночно утвердились принадлежность «к многочисленной группе семейных имен тюркского происхождения» [Баскаков 1978]. Ключевая ошибка Баскакова заключалась в том, что он невно положился на списки популярных родословных легенд (преданий) о выездах из Орды.

Один из крупнейших советских ономастиологов В. А. Никонов, уделивший методологии антропонимики как научной дисциплине много внимания, в работе «География фамилии» относит Бахтина к Вологодским фамилиям на основании диалектного *бахтить* «форсить, важничать». Упуская в разделе выше «Северные фамилии» факт Пинежского диалекта *бахтить*, что упоминается в Картотеке Пинежского говора Ленинградского отделения института русского языка АН, как «пинежское» доказательство происхождения фамилии Бахтин (Шенкурский уезд Архангельской губернии) [Левичкин 2014]. И тот же Никонов даже не упоминает фамилии Бахтин в списке «корневого» Орловско-Тульского и Калужского фамилиекона [Никонов 1988].

Верно, что северные земли Вологодчины и Архангельска, Новгородской земли исконно знают как имя, так и родовое прозвание Бахта и их распространение по земле вятычей, которые гордятся началом своих родов от новгородских ушкуйников, и, конечно, своему краю приписывают происхождение фамилии Бахтины. Но также верно и то, что фамилия Бахтин приходит на эти территории только во второй половине XVI века по Московским разрядам служилых людей. А родовое прозвание Бахта в трёхчленном компоненте сохраняется до второй половины XVII века. Пример из «Словаря древнерусских личных собственных имён» Н. М. Тупикова – Максимка Минин, сын Бахта. Жилец в Холмогорском уезде. 1615 [Тупиков 1903: 42].

Имя Бахта (Бахти-Bakhti) в тюркском распространении, заимствованное, в свою очередь от др.-иранского форманта, с XIV столетия имеет на Руси такое широкое хождение, что уже не воспринималось как иноязычное («своё/чужое») с «нулевым этимологическим значением» [Кобрин 2008: 173]. Более того, вошло в статус русского идентификатора при изменении фамилий иностранного происхождения. Пример из родословной Руммеля, – две фамильные ветви Кожины и Кулюбакины, которые по преданию своим родоначальником считали «мужа честна» из балтийских немцев Юргена фон Фаренсбаха (Jürgen von Fahrensbach), древняя родовая фамилия которого трансформировалась на Руси в «Юрий Бахта Франц в крещении Ананий» [Руммель 1886–1887: 77].

В походе Ивана III на Казань в 1469 году упоминается воеводой князь Данило Васильевич Ярославский-Шестунов по прозвищу Бахта (по Ю. Вульфу). А его сын прозвывался Андрей Данилович Бахов Шестунов.

Итак, родовое прозвание становится наследственным, постоянным и неизменным составом наименования субъектов одного рода (однородцев и единокровников) и начинает выполнять функцию фамилии в структуре «имя

рода» и «имя семьи» [Чичагов 1959]. Установив момент её образования в единстве места и времени (хронотопе), мы определим источник происхождения, а, следовательно, установим её монофилетическую типологию и её топографическое распространение до того момента, когда из имени собственного она унифицируется в имя нарицательное в статуте полифелического индекса канцелярской унификации, возникающего в нескольких местах независимо друг от друга.

Первая протокольно-документальная фиксация прафамилии «Бахтин» имеет предельно конкретное место и время (хронотоп) – Виленская канцелярия (Вильнюс) Великого Литовского Княжества по записи Литовской метрики (*Lietuvos metrika kniga 1511-1518*) Книга № 9 Дело 51 от 8 февраля 1514 года. С. 50–51:

«Бахтина Ульяна – Юлиана кнегини (*Juliannie kniahini*). Дело: Била нам челом княгиня Васильева Ивановича Бахтина, княгиня Улана о том, что перво-го всего сказали ей пойти замуж за князя Василия Бахту <...>. Ино тот муж её, князь Бахта, предавши нас, утёк до Москвы, многие речи её побравши и шкоды вчинивши <...>».

Очень щепетильный вопрос канцелярской формулировки от имени прилагательного «Бахтина» (Бахтина, кнг. Ульяна Васильевая Ивановича), к имени существительному «Бахтина», утверждающему фамильный статус просительницы. Связан он с наследованием не только землевладения, но особой привилегией короля Сигизмунда от 1509 г., которой он наделил князя Василия Бахту на владение людьми (тем более что по указу от 1507 г. был введён строгий учёт податного поголовья). Обманутые чаяния королевской особы «предательством» русского князя, на что, собственно, служилый князь имел полное право свободного выезда, излились в мгновенную передачу земли и прилагаемых к ней людей королевскому дворянину Алексею Овсянику. Но Виленские делопроизводители пошли навстречу обманутой княгине, – «Ино мы в том ей ласку нашу вчинили», и грамотно составили отказную «до живота ея», т. е. пожизненно. И только в 1522 г. Алексей Овсяник получает королевское подтверждение о землях в Новогрудском уезде, предоставленных ему ранее после «предательства» князя Василия Ивановича Бахты.

Нам не известно, имела ли княжеская чета, прожив как минимум 5 лет в совместном браке, потомство, но позволим себе вольное допущение. В Новогрудском повете Новогрудского воеводства Великого Княжества Литовского проживает семья неких Баков (*Bakk, Bache, Back* и *Bach*) с родоначальником Самуэлем Вайниловичем Баком от 1677 года. И снова вопрос: за более чем столетие могла ли трансформироваться фамилия Бахтин из родового прозвания Бахта в фамилию Бак с очень близкой этимологией? Или обратно – родовое прозвание Бахта было трансформировано от прозвания Бак? Так или иначе, род новогрудских Баков признан во дворянстве 30 мая 1800 года с утверждением в Малом гербовнике Новогрудской шляхты в родовом гербе князей Мосальских Перемышльских отрасль князей Черниговских и их потомков князей Карабчевских, т. е. Рюриковичей (Национальный исторический архив Беларуси НИАБ. Герб рода князей Мосальских внесен в Часть 15 Общего гербовника дворянских родов Российской империи). Ниже мы объясним, чем мотивировано данное, с малой, но допустимой степенью вероятности, отступление, а пока вернёмся к факту.

Системно классифицированный труд «Князья Литовско-Русские от конца XIV века» (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku) [Вольф 1895] польского знатока геральдики и генеалогии Юзефа Вольфа, известного в России конца XIX века как Осип Людикович, до сих пор высоко оценивается современными историками и генеалогами, как первый научно-методически обоснованный опыт родословия и генеалогии [Бычкова 2012]. В группах известных русско-литовских князей, титулованных и нетитулованных, Вольф выделил особый список из 32-х персон неведомого происхождения (Grupa IV. Pochodzenia niewiadomego).

На вопрос о подлинности княжеского титула, происхождение которых не определено, Вольф отвечает категорически утвердительно, – «кто не был князем, не мог им стать» [Вольф 1895: 22]. Чистоте княжеского рода Вольф уделяет особо пристальное внимание, составляя список «псевдокнязей», ложно приписавшихся к княжеским родам, отделяя зёрна от плевел, овец от козлиц, что нанесло существенный удар по традиционным русским родословным П. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, П. Н. Петрова, В. В. Руммеля и др., составленных по семейным легендам (сказкам) и преданиям. В справочнике Вольфа впервые были задействованы акты и Литовские метрики, с которыми он работал в архивах Санкт-Петербургского Сената (по особому допущению).

Мы потому подробно остановились на качественной характеристикие трудов Юзефа Вольфа, что следующие фактографические данные историко-генеалогического справочника «Князья Литовско-Русские от конца XIV века» являются ключевой точкой отсчёта для нашего исследования происхождения и родословия фамилии Бахтины.

Рубрика князей неизвестного происхождение в разделе под наименованием Группа IV начинается с прозвания Bachta, Bachtyn [Вольф 1895: 1].

Вольф рассматривает прозвище Бахта, как характерное для русских князей и бояр, и, даже предположительно не связывает его с именами татарских князей, которых выделяет в отдельную группу.

1) В XV веке жил в Литве Иван Бахта, служивший в 1488 году князьям Воротынским (источник не определён).

2) Князь Василий Иванович Бахта получил в 1509 г. королевскую грамоту. Князю Бахте пришлось выехать в Москву, но не вместе с Глинским, только через несколько лет [Вольф 1895: 1].

О королевской привилегии земель в Новогродском уезде княжне Юлиане в 1514 году мы упоминали выше. Значит, в период 1508–1514 гг. Василий Бахта находится в статусе служилого князя при дворе Польско-Литовского короля Сигизмунда. Но почему Вольф связывает его с Глинским, перешедшим на сторону Москвы в 1508 г. (по расхожим канцелярским формулировкам «сбегл в Москву», «к Москве побегли»)? И какова его дальнейшая судьба, документальные свидетельства умалчивают, – «явился из пустоты, записан в пустоту». Историки делают общий вывод о судьбе многих выездов из Литовского княжества на этот сложный период времени, – «Многие из них не смогли подтвердить на новом месте службы свой прежний социальный статус» [Бенцианов 2019: 97]. Возможно, Василий Бахта уже под фамилией Бахтин попадает в поток вынужденного переселения служилых людей на поместья в Великий Новгород. Возможно, находят приют у своей родни в землях Медынских, Мало-

ярославских или Перемышльских. Персональный след Василия Ивановича теряется, но род Бахтиных набирает силу.

Вопрос о фамильном форманте с патрональным суффиксом -ин для всех родовых прозваний западно- и южнорусских областей, переходящих на государеву службу, решается просто канцелярско-приказным путём: был Бахта, стал Бахтин [Чичагов 1959].

А мы вернёмся к персоне Ивана Бахты, «жившему в Литве» и служившему князьям Воротынским в 1488 году. Вольф не указывает прямо на родственные связи Василия и Ивана, но отчество как бы говорит само за себя – отец-сын. Что далеко не факт и только одна опора на совпадение отчеств и даже родовых прозваний не даёт нам право связывать этих людей в прямую родовую преемственность.

Формулировка «жил в Литве» не совсем соответствует исторической действительности, если речь идёт о связи с родом Верховских (Верхнеокских) князей Воротынских и древних русских земель, входящих в Велико-Литовское Княжество на правах вассальной службы «с отчинами», т. е. с княжескими уделами. По древней традиции к уделам Верховских князей относятся города по течению Оки, лежащие «выше» Калуги – Перемышль, Медынь, Малый Ярославец, Воротынск, Лихвин, Белев, Орел (позже), четыре города, поставленные на правых окских притоках – Мценск, Новосиль, Чернь на р. Зуше и Одоев на р. Упе, а также Болхов и Кромы, а также Тулы «с пригородами» (Богородицк, Венев, Епифань, Дедилов, Крапивна, Плавск, Солова). Академик Б. А. Рыбаков в монографии «Русские карты Московии XV – XVI вв.» проводит целое расследование, связанное с появлением загадочной карты Меркатора 1595 года, на которой все эти земли объединены в «Воротынское княжество». С точки зрения исторической эта карта представляет сущую нелепицу, но с точки зрения генеалогической, как отмечает Рыбаков, составитель этой карты, «заглянув в глубь веков», реконструировал сумму родовых вотчин нескольких поколений старших родов Воротынских и земельных владений черниговско-северских князей [Рыбаков 1974]. Описание Principaute de Vorotinsk Российской империи, в составе Московской Руси, равновеликого Московскому и Рязанскому княжествам, входит в знаменитую Энциклопедию Д'Аламбера и Дидро 1751 г. (1-е изд. Энциклопедия, или Аргументированный словарь наук, искусств и ремесел Том 17. С. 472). Князь Иван Воротынский входит в состав Семибоярщины Смутного времени и становится одним из претендентов на престол, уступив его Романовым.

На древней «генеалогической картографии» нами реконструируется «топографическая карта» распространения «семейных гнёзд» рода Бахтиных по землям Медыни, Малоярославля, Перемышля и Тульской Большой засечной линии обороны (с пригородами).

Итак, в Московских посольских книгах «Польского двора» в связи с пограничной войной Московского государства с Литовско-Русским княжеством за регион верхнего Поочья в конце XV в. неоднократно упоминается боярин, воевода, полковник Иван Бахта – служилый человек князей Дмитрия и Семёна Воротынских. В посольских ответах людям короля Казимира дважды – от декабря и июля 1488 года на взаимные «обиды» московских и литовских «украйников» великий князь Иван III Васильевич делает заявление о санкциониро-

ванном воинском походе на Медынские волости регулярных полков князей Воротынских «со многими людми з знамями и с трубами войною». Княжескими полками командовали бояре из знатных родов, в послании они именуются в порядке перечисления «Иван Шепелев, Иван Бахта, Фёдор Воконский, Звяга Иванов, Сеня Павлов», без приличествующих официальному заявлению упоминаний отчеств. Мы предполагаем, что в данной двучленной форме имени и прозвания, по которой составлен формуляр посольского акта, употребляются именования вражеских военачальников, нанёсших существенный урон пограничным Медынским волостям, в завуалированно-умалительном стиле старой формы, поскольку в делопроизводительной документации конца 1480-х годов в русских актах была принята трёхкомпонентная формулировка имени, отчества и родового прозвания (о фамилии речь не идёт). Структура очерёдности воспроизводится соответственно полковой иерархии: Шепелев – Большой полк, Бахта – передовой полк, остальные – правый, левый и сторожевой полки.

То есть, боярин Иван по прозванию Бахта, а «как сам себя именует не ведомо», может иметь отчество Иванович и приходить братом Василию Ивановичу Бахте. Так или иначе, родоначальником рода Бахтиных по старшинству первопредка является Иван Бахта, или как записывается в Синодиках – «род Иванов» – «род Бахтиных». Но не стоит спешить с выводами.

По заключению мирного и брачного договора от 1494 г. великий князь литовский Александр Казимирович признал службу и отчину князей Воротынских московскому государю всея Руси Ивану Васильевичу. Князья Семён и Дмитрий Воротынские переходят в московское подданство и получают в удел те самые Медынские волости на правом – «московском» – берегу реки Угра, в числе прочих. После смерти бездетных Воротынских в 1496 их владения отошли к вел. кн. Ивану III, и утвердительно сказать, на какую службу ушли Бахтины, сложно по причине отсутствия каких-либо документальных свидетельств государевых служилых разрядов до начала 1550-х гг. Прослеживается их связь с князьями Жижемскими, которые состояли в родственных отношениях с Воротынскими и составляли единую воинскую корпорацию при государевом дворе (Дворовая тетрадь 1551–1556 гг. Фёдор Павлович Бахтин, выборный по Малоярославцу, о чём ниже в рубрике Экспертная историко-генеалогическая база).

На современных картах Медынских и Перемышльских областей до сих пор сохраняются названия населённых пунктов Бахтинка, Волконское, Шепелевка, Ивановка, Павлово, т. е. на основании топонимических данных можно предположить, что служилые люди князей Воротынских получили эти земли в отчину. Но, памятая о традиции служилых людей воевать на своих и за свои земли, возникает вопрос, – а не могла ли эта земля принадлежать указанным лицам до прихода «московских украинников»?

Однако историки настоятельно напоминают, что топонимический метод имеет весьма условный характер и картографические данные должны подтверждаться данными актовыми и генеалогическими, каковых мы не имеем. Но в нашем случае на настоящий момент важно происхождение фамилии, а не рода (что в принципе тождественно). Недалеко от деревни Бахтинка Медынского уезда располагается территория под названием «Бахтинское урочище».

В справочнике Ю. Вольфа есть одно существенное примечание к рубрике неведомых князей Ивана и Василия Ивановича Bachta, Bachtyn: «W powiecie

Uszyckim na Podolu istnieje miejscowosc Bachtyn z wymienionymi kniaziami nis wspolnego nie majaca / В Ушицком уезде на Подолье есть населенный пункт Бахтин/Bachtyn, с ним ни у каких князей ничего общего не было. Синод. перепись. 148, 233» [Вольф 1895: 1]. Другое наименование поселения Бахтин (Бахтынцы) – знаменитая Бокота, затопленная Днестровским водохранилищем в 1981 году и с той поры именуемая «украинной Атлантидой». Так что, если князья Иван и Василий не имели территориальных претензий на владение этими землями, они имеют самое прямое отношение к их топонимическим наименованиям (оиконимам). Если быть точнее, то Бакота и Бахта – это не совсем «то же». Поселение Бакота находилось до его затопления в долине, а остаточные скальные породы известнякового кряжа Бахта изменились в название уцелевшего поселения Бахтынцы. Место известно знаменитым Бакотским скальным Михайловским (архангела Михаила) пещерным монастырём, разрушенным татарами в начале XV столетия. Археологи до сих пор охотятся за таинственным, постоянно исчезающим и вновь всплывающим в других местах, «семисаженным следом» Будды, который по преданию посещал эти места (Бахта/Бакта/Баак – бога Судьбы). В мифологии этот след отчетливо прослеживается в иранских и армянских персонификациях судьбы, с именем которого связаны его летописец Грох, а также его функциональные помощники – духи счастья, удачи (везенъя), духи предков. То есть Бахт/Бакт/Бака персонифицирует индивидуальную судьбу, тесно связанную с семейно-родовым укладом [Мелетинский 1990: 92].

Может потому оиконим Бакота и производные от него Бахты/Бакша/Бакчи имеют такое широкое распространение на Подолье: Бакота в Тернопольщине в Кременецком районе; в Балтском уезде встречается родственный топоним «Бакша» – Бакшанская волость Балтского уезда Каменец-Подольской губернии. В Одесской области: Бакша Савранский район и Бакша Подольский район. Исторически ни к тюркскому, ни к украинскому языкам данный оиконим не имеет отношения.

Бахтинский ономастикон

Отдельная и особенная тема исследования – антропоним Бахта требует ся рассматривать в комплексном взаимодействии топонимов и гидронимов Бахта, как имени собственного. В этом случае нам не придётся упираться в распространённый круг гротескных этимологических толкований слова «бахта» в многочисленных популярных энциклопедиях, как «важный-пухлый-рыхлый-болтливый-зазнайка-завёрнутый-в набивную ткань». Во-первых, трансформация родовых прозваний в фамилии происходит в четвёртом колене (дедичество), когда характеристики прозвища по признакам, включая этническую принадлежность, выходят из употребления. Во-вторых, сниженные, как правило, экспрессивные диалектные значения апеллятива «бахта» являются поздними остаточными рудиментами некой пражзыковой семьи с ядерной корневой основой *bgd* (*bg*).

Древняя атематическая основа глагола *bag-*, с тематическими расширениями *bagti* («хотеть, желать»), *bagati*, *bazati*, *baziti*, а также тождество индоевропейских глагольных основ *bha-* «говорить» и древне-индийского *bha-* «светить», в развитии значений «делать ясным» – «говорить». Праславянское

bajati сближается с древне-индийским bhati «светит, блестит, сияет», родственные этимологии с «сверкать» [Трубачёв 1974: 170–173].

На латинской международной транслитерации (транслит) фамилия Бахтин переводится в написание **BAKHTIN** (от bakhta до bagta). В произносительных огласовках в различных языковых группах звуки -К и -Н смешиваются и в семантических значениях, что и создаёт условия для различных этимологических производных – «гибридных слов». Ностратический словарь Аллана Бомхарда даёт праностратический корнеслов праиндоевропейской и прафинноугорской основы:

(bah-) 020. «Сиять»

(bah-) 021. «Сказать, говорить»

(bak'-) 022. «Раскалывать, расщеплять, разбивать» [Bomhard 1994].

В XII веке сербские правители носили славянский титул великих жупанов – архижупан, в 1152 г. в столице Сербии Расси (Раса) правил архижупан Бакхин (*Βακχίνος*) он же Примислав (из византийских источников) [Мирошкин 1867]. На территории юго-западной России в XVIII – XIX вв. бытовало широкое прозвание Бакхины в сочетании корневых основ bah- и bak- они обретали именной оберег в значении «получать силу».

Ну, и наконец, в Англию знаменитая «английская» фамилия Bakin пришла с континента в период Норманнских завоеваний 1066 г., отсюда выводят свои древние рыцарские родословные фамилии Бэконов и Бакунов графства Эссекс, а также Бачунов и Бэкенов в Сффолке. Сами носители родовых гербов этимологию выводят из саксонского *baccen* или *buccen*, что означает «бук», но, скорее всего она связана с балто-немецким *bah* – Бах, Bäck, Бэк, Бех, Бек – реки, ручьи, собирающиеся в единый поток [Bakin History 2024]. Так же с именем «Пах» или «Пахт», которое в переводе с древнегерманского языка означает «сияющий».

В Бахтинском ономастиконе широкое распространение получает гидроним Бахта, что представляет собой отдельную тему исследования «Топографическое тело гидронима Бахта (Bagta): глубина проникновения».

Этимология гидронимов уподобляется исследованиям генетики и археологии, – снимая пласти языковых взаимодействий, мы приходим к первичной языковой основе пра-языковых корневых форм, представляющих собой некий вербальный генокод (культурно-лингвистический код), реплицирующий структурные архаизмы глотогенеза и культурогенеза. В результате исследования топографического распространения гидронима Бахта от северо-западных регионов Европы до юго-восточных бассейнов Азии в целом насчитывается 14 апеллятивов, входящих в бассейны Белого моря и реки Северная Двина, Ладожского озера, среднего правобережного Поочья, реки Северского Донца, реки Кама, Енисейский бассейновый округ.

Но главную примечательность представляет собой Бахта, приток реки Гумбейка на Южном Урале (Челябинская область, Агаповский и Нагайбакский р-ны). И топоним Бахта – ойконим укрепленного поселения, входящего в состав одного из 24 известных «Страны городов» Синташтинской культурой. В настоящее время в составе андроновской культуры с известным городом Аркаим. Рубеж III – начала II тыс. до н. э. Волго-уральский очаг культурогенеза Уральского бассейна (междуречье Урала на западе и Тобола на востоке).

Ещё одна Атлантида. Учёные сходятся в едином мнении, что если искать истоки общего праностратического, то это Южный Урал.

Через гидроним Бахта мы обретаем «вербальный навигатор» устойчивого распространения ядерной протосновы именования в значениях лексико-семантических и когнитивных моделей. Базовая когнитивная основа гидронимов должна соответствовать интервальному принципу «поток-движение-образ»: поток – bah; динамика преодоления – bak; образ-метафора – bag (слияние-соединение расколов-разрывов) в порождении ландшафтно-семантической характеристики и поэтической метафоры.

Сравнительная реконструкция этимологической основы бахта, бохот, бохоть, охта, ахт в различных языковых огласовках древнерусского, славяно-балтского, финно-угорского, тюркского, уральского, монгольского, енисейского и прочих языковых групп позволяет говорить о некой единой исторически предшествующей когнитивной модели апеллятива «избыточная вода на поверхности – протока (приток) – на глубине разрывающая, тесноту, недостаток места». И если равнинные реки со временем претерпели ландшафтные изменения, а некоторые воспроизводятся по древним актам и писцовыми книгами XVII–XVIII вв., то Енисейский приток Бахта сохранил себя во всей первозданной красе избыточных прорывов через череду каменистых порогов.

И венчает нашу топографическую карту Бахтинского ономастикона горный кряж Бахты/Бакты («застывший в камне водный поток») Семипалатинской области Аягузского округа (Белорецкого района республики Башкортостан), на границе с Китаем, и два притока реки Имиль – Бахты и Чиргут. Башкирская этимологическая коннотация от глагольных форм «багыу» «смотрел», «глядел» и «бакты» «ворожил». Подобное объяснение находим в «Словаре топонимов БАССР»: от «бак» бахкты/бахты «смотри», «смотровая» [Словарь 2024: 30]. Таким образом Бакты/Бахта обращается в «смотровой хребет».

На Китайском склоне кряжа находится пограничный пикет Бахты. В 80-х годах XIX столетия только русское оружие и мужество Бахтинского пограничного отряда сдерживало нападение тысячных вражеских орд, как в былинные времена. Исторические мемуары об установлении Русско-Китайской границы в районе пикета Бахты перекликаются с записками легионера Николая Михайловича Бахтина о воинском братстве. Сегодня Бахта – пропускной пункт через границу Казахстана с Китаем и эхом отзывается кустанайская ссыльная эпохе Михаила Михайловича Бахтина. Странные квантовые запутанности далёкого с близким в переплетении судеб.

Возвращаясь к изначальному месту нашего топографического путешествия Днестровской Бакоте/Бахте позволим себе не согласиться с Вольфом, – наши Бахтины имеют к ней самое непосредственное отношение, но всегда и неизменно – погранично-экзистенциальное.

Экспертная историко-генеалогическая база родословия М.М. Бахтина («Бахтинский Дом и сыновья»)

В настоящей статье мы не даём ссылки на источниковые материалы Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), но данные всех опубликованных источников конца XIX – нач. XX вв. верифицировались в процессе поисковой работы. В контексте наших методологических вопросаний речь

идёт скорее о том, что ответы на все «тайны», как правило, лежат на поверхности. И уже в первые десятилетия прошлого столетия фамилия Бахтиных получила известную легитимность в научных кругах, но оставалась в тени официально принятых родословий.

За основу историко-генеалогической базы взято изначальное топографическое возникновение и распространение фамилии «Бахтины» в период XVI столетия, когда фамильное прозвание становится свершившимся юридическим фактом законодательно-правового института государственной службы (Разряды) и поместного землевладения (Писцовые книги) в условиях централизации государства. Вопрос единокровцев и однофамильцев требует отдельного рассмотрения в системе трёх родовых ветвей Бахтиных конца XVI столетия, но «родовое гнездо» происхождения фамильного прозвания Бахта и «канцелярского» закрепления фамилии Бахтин с патрональным формантом «-ин» топографически укорено в хронотопе Медынь-Перемышль-Малый Ярославец-Воротынск Калужского региона (Калужский хронотоп).

К теме научно-исторического подхода в исследовательской историографии мы сошлёмся на авторитетное мнение эксперта в этом вопросе, данное во Введении к монографии Т. А Лаптевой «Провинциальное дворянство России в XVII веке» издания 2010 года: «В последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается постоянный рост интереса к изучению истории русского дворянства во всех ее аспектах. Это касается и изучения местных дворянских родов и корпораций, и общих проблем, и тенденций истории дворянства. Наблюдается переосмысление определенных теоретических положений и стереотипов, выработанных советской исторической наукой. История дворянского сословия в России начинает занимать подобающее ей место в общей истории страны» [Лаптева 2010: 3]. Большую часть своего исследования Татьяна Александровна Лаптева посвящает методологическому вопросу, связанному с источниками и историографией более чем столетней давности. Бесконечная череда наших вопросов связана непосредственно с методологической проблемой «небытия забвения», хронологически уходящая значительно глубже. И на которые пока историки не могут дать утверждающе-удовлетворительных ответов, и не только по причине колоссальной утраты источниковых материалов. Например, исследование истории Верховских княжеств, можно отсчитывать с 1993 года с монографии А. В. Шекова [Шеков 1993], а период Московско-Литовской «странный» войны начал активно обсуждаться в последние годы, но мы опираемся на историко-географический метод В. Н. Темушева, представленный в его монографии «Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494» [Темушев 2013].

Первое, на что требуется обратить пристальное внимание – анализ прочтения словарной статьи В. Е. Рудакова о фамилии «Бахтины», помещённой в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона (1890–1907 гг.) и максимально ограниченной справкой, взятой из родословных сказок, легенд и преданий. Автоматически она была перенесена в Новый энциклопедический словарь 1911–1916 гг., несмотря на то, что отечественная генеалогия за этот период времени делает качественный скачок в своём развитии. В рамках данной статьи мы этого не можем позволить, но в изложении нового опыта родословия всегда требуется помнить о старой традиции деформации исторического факта.

Формула гербовника 1797 года «Фамилии Бахтиных многие» только в начале XX столетия начинает наполняться соответствующим содержанием «многие» и значительно расширять круг фамильных персоналий. В 1906 году Леонидом Михайловичем Савёловым издаются уникальные «Родословные записи» [Савёлов 1906], в которых изложен новый опыт составления родословного словаря, основанного на более достоверной источниковой базе – служилых Разрядов и Писцовых книг по первичной росписи поместных землевладений «по службе».

С публикации этих книг начинает собираться фамилия рода Бахтиных, ими же и заканчивается. Приведём в тексте статьи, не вынося в список литературы в полной библиографической описи:

Рубрика Бахтины в «Родословных записях» Л. М. Савёлова: Фёдор Павлович Б. в 1556 году служил по Кашире.

В сборнике издания Н.В. Шапошникова «Heraldica» эта короткая выписка Савёлова развортывается в описании Разборной Десятни 1556 года в списке служилых городовых детей боярских по Растворецкому стану с описанием боевого оснащения Федьки Павлова Бахтина. Эта запись сама по себе задаёт резонансный заряд на исследовательскую работу в сочетании с рубрикой списка выборных дворян по Малоярославцу в «Дворцовой тетради» (начало предположительно 1552-1556 гг.): Фёдор Павлов сын Бахтин, дворовый сын боярский по Ярославцу (с опечаткой «Бартин» в печатном издании, где написание буквы Х принято за Р). «Дворовая тетрадь» и «Тысячная книга» изданы под редакцией А.А. Зимины в 1950 году и до сих пор являются предметом дискуссионного обсуждения [Тысячная книга 1950]. Тот факт, что Фёдор Павлов числился по двум спискам городовых по Кашире и дворовых по Малоярославцу является судьбоносным в истории рода Бахтиных.

Первый твёрдый след: Малоярославец – Кашира, Растворецкий стан (далее Тула – Дедилов – Епифань). В реестр выборного дворянства по Земскому собору 1566 г. не вошёл по причине исключения из списка городов Малоярославль и Медынь (с припиской «литва дворовая»).

Далее судьба Фёдора Павловича Бахтина уходит «в пустоту» и только по косвенным свидетельствам мы можем предполагать его дальнейший удел. Согласно Каширской десятни 1570 г., в которой фамилия Бахтины отсутствует, но указано, что в Мценский уезд переселилось 48 родов (другие источники указывают более 50 родов).

В 1863 году в издательстве Университетская типография было издано небольшой брошюрою «Церковно-историческое описание упразднённых монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. Составил Оптиной пустыни иеромонах Леонид (Кавелин), которое не попало во внимание Л.М. Савёлова. Из синодальных записей Шаровкина монастыря Перемышльского уезда следует, что, начиная с 1552 года, а оканчивая 1763 вкладчиками недвижимых имений были: В 1552 году Яков Федорович Бахтин (вклад свой Московский двор, за который взяли 23 рубля); и Павел Матвеевич Бахтин (вклад двор в Перемышле с хоромы, на 15 рублей). В этом же году Яков Фёдорович скончался, а Павел Матвеевич продолжал делать постоянные вклады по 1629 год. И более ни в каких документах указанные лица не значатся – «записаны в пустоту». И только по первой половине XVII в. по Туле значится боль-

шое «гнездо» детей Яковлевых – Герасима, Петра, Тихона. Их степень родства на настоящий момент не установлена.

Второй твёрдый след: Перемышль. И родовые ветви, далеко выходящие за предел «второй половины XVI века» к своим первопредкам – Фёдор и Матвей Бахтины. Возможно, здесь переплетаются две ветви «Иванова рода Бахты» – Московская от князя Василия Ивановича Бахты и Премышльская от боярина Ивана Бахты.

Вообще Шаровкин монастырь представляет собой замысловатый бахтинский узел, – в него делала вклады Марфа Афанасьевна Чичерина-Бахтина и не одно поколение самих Чичериных, и, конечно, князей Воротынских. Но это другая ветвь бахтинского рода и второго «рода Ивана Бахтина» бояр и детей боярских Бахтиных по г. Воротынску, которая требует отдельного разбора (генеалогия этой ветви подробно разработана, поскольку непосредственно связана с родословной А. С. Пушкина по линии его бабушки Чичериной).

К строчке о Фёдоре Павлове Бахтине в «Родословных записях» Савёлова требуется добавить персону Никиты Павлова Бахтина по Туле и его сына от первого брака Василия Никитовича Бахтина – Разборная Десятня по Смоленску 1574 г. (опубликовал М.В. Муравьёв в 1913 г.). Десятня № 24. Василий Никитин сын Бахтин с Тулы (с. 27). Далее Никита Бахтин испомещён из Тулы в Калугу. Его дети от второго брака по Калуге – Иван, Еремей, их сестра Анна Никитова (значится как «сестра калужского помещика Еремея Бахтина») и их мать Фекла Никитина жена (во втором браке), в первом браке жена Павла Канцлера, Савельева дочь. Род пресечен в 1622 г. (убийство Еремея Бахтина его братом Иваном Бахтыным, утрата имения). Напомним, что содержание документов и архивную опись в рамках данной статьи мы не приводим.

Топографическая карта топонимов на материале Алфавитного указателя к «списку населённых мест Калужской губернии» (на 1859): 1) Бахтинск (Бахтинское), (Бакатово) сельцо, Перемышльский уезд Тырновская волость: статус не существует. 2) Сельцо Бахтинка Медынский уезд. Бахтинское Перемышльский уезд, Калужская губерния. 3) Урочище Бахтинские Бывшая деревня Крестовского сельсовета.

А след нашего расследования возвращается в Тулу.

Рубрика Бахтины в «Родословных записях» Л. М. Савёлова: Казачий сотник Фёдор, Дмитрий и Пятый Григорьевичи Бахтины владели в 1587 году поместьями в Тульском уезде.

П. Г. Бахтин, Ф. Г. Бахтин имели соседние поместья в с. Радогощ и пуст. Павлищевой Колоденского стана Тульского уезда к концу XVI в. За Дмитрием Григорьевым Бахтыным в поместье была пуст. Денисовская.

Третий твёрдый след: родовая ветвь Григория Бахтина (с большой долей вероятности связана с Фёдором Павловичем Бахтыным).

Казачий сотник Фёдор Егорьев сын Бахтин вероятнее всего служил по Епифани, поскольку в ней располагались первые казачьи сотни, и командовать ими назначались опытные дети боярские (но документальные подтверждения не обнаружены). Епифанские сотни напрямую были связаны с Елецким казачеством. По Ельцу значится Иван Фёдоров сын Бахтин, возможный родоначальник «Иванов род Бахтиных» («род Ивана», «род Бахтиных»): Богдан Иванович Бахтин (Ливны 1615), Григорий Иванович Бахтин (Мценск 1627,

Епифань 1628), Степан Иванович Бахтин (Мценск 1626/29 1640). Ветвь Степана на Бахтина – прямая линия преемственности братьев Николая и Михаила Бахтиных.

Рубрика Бахтины в «Родословных записях» Л. М. Савёлова: (прямая родственная связь с нашими Бахтиными по братьям Григорию и Степану Бахтину в несомненной преемственности от родоначальника Григория Бахтина).

Дети боярские Матвей, Игнатий, Ефрем, Василий и Филип Григорьевичи в 1681 году владели поместьями в Епифанском уезде.

Дети боярские Матвей да Игнатий, как владельцы деревни Буйцы и имений в разных урочищах, упоминаются ранее в грамоте 1663 года.

Топографическая карта топонимов: Деревня Бахтинка в Тульской области Каменский р-н на границе с Орловской обл. деревня Шестаковка.

Здесь же упоминаются дети Остафия Степановича Бахтина: Агей, Василий, Ефрем Остафьевы дети боярские, епифанские помещики [Новосельский 1938: 305].

НИСХОДЯЩАЯ ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ

I колено	РОД ИВАНА БАХТИНА «РОД ИВАНОВ» Дети Григорий, Остап, Степан, Богдан, Мартын			
II колено	Григорий Епифанский уезд 1628			Степан Мценский уезд 1627 поместье Старой Гондоревой Амитюрино
Григорьевы дети				
III	Аким Андрей Климен Мат- вей Петр	Василий Ефрем Игнатий Филип Епифань	Иван и Ми- хаил Ливны д. Тетеры, с. Щигры до 1752 г.	Герасим Матвей
IV	Яков Петров Лев и Фёдор Акимовы 1671-89 Михайло Климентий Мценск 1698		Клим Аким Андрей Ивановы дети 1738- 1812	Герасимовы дети Аврам Петр Аврамов сын 1754 г Остафий Елец 1630 Тула 1676
V	Василий Архипов Степан Петров		Филип Кли- менов 1730-1816	Остафьевы дети Петр Василий, Ефрем Фёдор, Филип Игнатий дети боярские (1681) помещики Епифань до 1753

Продолжение Таблицы

VI	Фетис Васильев		Сергей и Пётр Ефремовы 1675-76 Сидор, Фёдор и Фетис Васильевы	Игнатьевы дети Савва Лукиян Иван Игнатьев Ливны 1689
VII	Семён Фетисов Иван Фетисов		Карней, Семен и Иван Фетисовы Денис Фёдоров (1754)	Емельян Лукъянов Пётр Иванов Афанасий Иванов 1753
VIII				Никита Афанасьев пращур Николай Афанасьев 1773-1813

В 1811 году в городе Мценске «явились из пустоты» Филип Клименов Бахтин (1730 г. р.) и Николай Афанасьев Бахтин (1773 г. р.) из рода детей боярских служилых людей по отечеству и дали начало новой «семейной» истории фамилии Бахтины. Их потомки Николай и Михаил Бахтин записали историю рода Бахтиных в скрижали Большого времени.

I-ИВАН – II-СТЕПАН – III- ГЕРАСИМ – IV-ОСТАФИЙ – V-ИГНАТ – VI-ИВАН – VII-АФАНАСИЙ – VIII-НИКОЛАЙ – IX-КУЗЬМА – X-НИКОЛАЙ – XI-МИХАИЛ – XII-НИКОЛАЙ/МИХАИЛ

Таким образом складывается целостная топографическая модель родовой преемственности «из рода в род» с интервальными периодами, вызванными историографическими «разрывами», «сдвигами» и гибридными напластованиями, уходящими на глубину «небытия забвения».

Топографическая модель Калужского региона (Верхнеокский хронотоп) бахтинского родоначалия конца XV и всего XVI столетия структурируется хронотопами: Медынь (1488 г.), Перемышль (1550-е гг.), Малоярославец (1552-1556 гг.), Калуга (1570-е гг.) и Воротынск (вторая половина XVI в.). В интервале столетия явно прослеживаются две родовых линии (ветви) фамилии Бахтины, два рода двух Иванов Бахтиных. Родовые топосы практически всегда маркированы одноимёнными географическим топонимами поместий и вотчин Бахтиных: Бахтинск, Бахтынец, Бахтинка, Бахтино, Бахтинская пустошь, Бахтинское урочище – во всех регионах.

С 1556 года с пограничного форпоста Кашира «береговой» линии обороны по земле Раствовецкой засеки (Раствовецкий стан) начинают развиваться родовые ветви фамилии Бахтиных по Тульскому региону (Большая засечная линия обороны). Родовые хронотопы: Тула, Епифань, Ефремов, Лебедянь, Шацк.

С 1580-х годов начинается широкое распространение фамилии Бахтины в Велико-Новгородской земле, ветка которой произрастает из Московских боярских переселенцев. До этого времени Новгородчина знает прозвище Бахта,

но не знает, унижающего их вольного достоинства, патронального форманта на -ин – Бахтин (для северо-запада характерен формант на -ов (-ев) – Бахтов, Бахтеев, Бахтерев). Предполагаемое родоначальство – Василий Иванович Бахта «из Литвы» 1514 г.

С 1595 года начинается история Иванова рода Бахтина Мценско-Ливенской и Елецко-Епифанской земли. По высочайшему Указу от 1637 по 1672 эти земли были объявлены «заказными» для раздачи поместных и вотчинных дач чинам московским. На землях «открытых» уездов, в которые первыми попали Чернь, Новосиль, Мценск и Одоев начался «полюбовный» передел недвижимого имущества. «Заказный» период называют «золотым веком» детей боярских. Далее начинает разворачиваться на сцене этих хронотопов во всей своей полноте жанр родовых трагедий угасания и забвения – «явились из пустоты, записаны в пустоту». Кульминацией этой трагедии стал Указ 12 января 1682 года об отмене «враждотворного» местничества и сожжения Разрядных книг. Наш «семисаженный след» Бахтинского рода скрывается в пепле сожжённой истории, Древняя Русская Атлантида уходит на глубину бездны. Но, как утверждал М.М. Бахтин, – «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения». Продолжение следует.

В предметных границах настоящей статьи мы не делаем никаких выводов и заключений, предоставляя их сделать кругу специалистов в соответствующих областях. Наша задача – задать разные ракурсы на «незавершённость» фамилии Бахтин, как при её написании, так и речевой форме высказывания. Методология Бахтина не терпит терминологического дискурса.

Литература

- Аверинцев 2021 – Аверинцев С. С. В стихии «Большего времени». [Электронный ресурс] <https://makekaresus.ru/publikaczii/tverskie-drevnosti/41696-averintsev-s-s-v-stikhii-bolshego-vremeni> (дата обращения 10.09.2025)
- Баскаков 1979 – Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Отв. ред. Э. Р. Тенишев; Институт языкоизучания АН СССР. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 280 с.
- Бахтин 1975 – Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бахтин 2002 – Бахтин М. М.: беседы с В. Д. Дувакиным. М.: Изд-во «Согласие», 2002.
- Вульф 1895 – Вульф Й. Князи Литовско-Русские от конца XIV века. Варшава, 1895. / Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. 698 s.
- Бенцианов 2019 – Бенцианов М. М. «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе XV – XVI столетиях / Наследования по истории Восточной Европы: Научный сборник. Вып. 12. Минск: РИВШ, 2019. С. 86–125.
- Бычкова 2012 – Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII веков. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М.: Квадрига, 2012. 368 с.
- Гоготишвили 1992 – Гоготишвили Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина. Вопросы философии. № 1. 1992. С. 115–133.
- Иллич-Свитыч 1971–1984 – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, драведийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь. Том I. М.: Наука, 1971–1984.

- Карнович 1886 – Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноzemцев с русскими. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886.
- Кобрин 2008 – Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 369 с.
- Лаптева 2010 – Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 596 с.
- Левичкин 2014 – Левичкин А. Н. Словарь пинежских говоров. СПб.: Нестор-История, 2014. 196 с.
- Никонов 1988 – Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Новосельский 1938 – Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки / Академия наук СССР, Институт истории. М.: Издательство Академии наук СССР, 1938. – [Выпуск] 4. С. 21–40.
- Мирошкин 1876 – Мирошкин М. Славянский именослов или Собрание славянских личных имён в алфавитном порядке составлен священником М. Мирошкиным. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
- Мелетинский 1990 – Мелетинский Е. М. Миологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Паньков 1994 – Паньков Н. А. Вопрос о родословной М.М. Бахтина: Всё ли так ясно? // ДИАЛОГ. КАРНАВАЛ. ХРОНОТОП. 1994, № 2.
- Руммель 1987 – Руммель В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 томах. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1886–1887.
- Рыбаков 1974 – Рыбаков Б. А. Русские карты Московии 15–16 вв. М.: Наука, 1974. 111 с.
- Савёлов 1906 – Савёлов Л. М. Родословные записи: Опыт родословного словаря древнего дворянства. Вып. 1. М., 1906.
- Словарь 1989 – Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. С. 200.
- Соловьёв 1991 – Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры М.: Издательство политической литературы, 1991. 430 с.
- Темушев 2013 – Темушев В.Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М.: Квадрига, 2013. 240 с. (Забытые войны России).
- Титов 2023 – Титов А. Ю. Родовая фамилия «Бахтины» (к научной биографии М.М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 160–171.
- Тупиков 1903 – Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 42 с.
- Тысячная книга 1950 – Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в./ Под ред. А.А. Зимина. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 208.
- Чичагов 1959 – Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.
- Унбегаун 1989 – Унбегаун Б. Русские Фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред.. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
- Уварова-Даниэль 2012 – Уварова-Даниэль И. Немногое, что память сохранила: О Михаиле Михайловиче Бахтине // Звезда, № 7, 2012. [Электронный ресурс] <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/7/nemnogoe-chto-pamyat-sohranila.html> (дата обращения 12.07.2025)
- Этимологический словарь 1974 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1 / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1974. С. 170–173.

Флоренский 1988 – Флоренский П. А. Время и пространство // Социологические исследования. 1988. № 1. С. 107–114.

Bomhard 1994 – Bomhard A., Kerns J. The Nostratic Macrofamily: A study in Distant Linguistic Relationship. Berlin; New York. 1994. 932 p. [Электронный ресурс] <https://www.proto-nostratic.ru/dic-bomhard/bomh-b.htm>

Bakin History 2024 – Bakin History, Family Crest & Coats of Arms / История семьи Бейкин, фамильный герб и геральдика / [Электронный ресурс] <https://www.houseofnames.com/bakin-family-crest> (дата обращения 10.09.2025)

References

- Averincev 2021 – Averincev S. S. V stixii Bol'shego vremeni. [E`lektronnyj resurs] <https://makekaresus.ru/publikacii/tverskie-drevnosti/41696-averintsev-s-s-v-stikhii-bolshego-vremeni> (data obrashheniya 10.09.2025)
- Baskakov 1979 – Baskakov N. A. Russkie familii tyurkskogo proisxozhdeniya / Otv. red. E. R. Tenishev; Institut yazy'koznaniya AN SSSR. M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1979. 280 s.
- Baxtin 1975 – Baxtin M. M. Voprosy` literatury` i e`stetiki. Issledovaniya raznyx let. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s.
- Baxtin 2002 – Baxtin M. M.: besedy` s V. D. Duvakiny'm. M.: Izd-vo «Soglasie», 2002.
- Vul'f 1895 – Vul'f J. Knyazi Litovsko-Russkie ot koncza XIV veka. Varshava, 1895. / Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. 698 s.
- Bencianov 2019 – Bencianov M. M. «Litviny» i «pany». Vy`xodcy iz Velikogo knyazhestva Litovskogo na moskovskoj sluzhbe 15-16 stoletiyax / Nasledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy: Nauchnyj sbornik. Vy`p. 12. Minsk: RIVSh, 2019. S. 86–125.
- By`chkova 2012 – By`chkova M. E. Russko-litovskaya znat` XV-XVII vekov. Istochnikovedenie. Genealogiya. Geral'dika. M.: Kvadriga, 2012. 368 s.
- Gogotishvili 1992 – Gogotishvili L.A. Varianty` i invarianty` M. M. Baxtina. Voprosy` filosofii. № 1. 1992. S. 115–133.
- Illich-Svity`ch 1971-1984 – Illich-Svity`ch V.M. Opy't sravneniya nostraticheskix yazy'kov (semitoxamitskij, kartvel'skij, indoevropejskij, ural'skij, dravedijskij, altajskij): Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar` (tom I). M.: Nauka, 1971-1984.
- Karnovich 1886 – Karnovich E. P. Rodovy'e prözvaniya i tituly` v Rossii i sliyanie inozemcev s russkimi. SPb.: Izdatie A.S. Suvorina, 1886.
- Kobrin 2008 – Kobrin V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponomika: Izbr. trudy'. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2008. 369 s.
- Lapteva 2010 – Lapteva T. A. Provincial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke. M.: Drevlexranilishhe, 2010. 596 s.
- Levichkin 2014 – Levichkin A. N. Slovar` pinezhskix govorov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 196 s.
- Nikonov 1988 – Nikonov V. A. Geografiya familij. M.: Nauka, 1988. 192 s.
- Novosel'skij 1938 – Novosel'skij A. A. Rasprostranenie krepostnicheskogo zemlevladeniya v yuzhnyx uezdax Moskovskogo gosudarstva v XVII v. // Istoricheskie zapiski / Akademija nauk SSSR, Institut istorii. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1938. – [Vy'pusk] 4. S. 21–40.
- Miroshkin 1876 – Miroshkin M. Slavyanskij imenoslov ili Sobranie slavyanskix lichnyx imyon v alfavitnom poryadke sostavlen svyashhennikom M. Miroshkiny'm. SPb.: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelarii, 1867.

- Meletinskij 1990 – Meletinskij E. M. Mifologicheskij slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 672 s.
- Pan'kov 1994 – Pan'kov N. A. Vopros o rodoslovnoj M.M. Baxtina: Vsyo li tak yasno? // DIALOG. KARNAVAL. XRONOTOP. 1994, № 2.
- Rummel' 1987 – Rummel' V. V. Rodoslovnyj sbornik russkix dvoryanskix familij: V 2 tomakh. SPb.: Izdanie A. S. Suvorina, 1886-1887.
- Ry'bakov 1974 – Ry'bakov B. A. Russkie karty' Moskovii 15-16 vv. M.: Nauka, 1974. 111 s.
- Savyolov 1906 – Savyolov L. M. Rodoslovnye zapisи: Opyt rodoslovnogo slovarya drevnego dvoryanstva. Vy'p. 1. M., 1906
- Slovar' 1989 – Slovar' toponimov Bashkirskoj ASSR. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. s. 200.
- Solov'yov 1991 – Solov'yov E. Yu. Proshloe tolkuet nas: Ocherki po istorii filosofii i kul'tury' M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1991. S. 430.
- Temushev 2013 – Temushev V.N. Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya vojna: 1486-1494. M.: Kvadriga, 2013. 240 s. (Zabytye vojny' Rossii).
- Titov 2023 – Titov A. Yu. Rodovaya familia «Baxtiny» (k nauchnoj biografii M.M. Baxtina). Rekonstrukciya rodoslovnoj sem'i Baxtinyx // Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya. 2023. T. 9. № 4. S. 160-171.
- Tupikov 1903 – Tupikov N. M. Slovar' drevnerusskix lichnyx sobstvennyx imyon. SPb.: Tipografiya I.N. Skoroxodova, 1903. S. 42.
- Ty'syachnaya kniga 1950 – Ty'syachnaya kniga 1550 g. i Dvorcovaya tetrad' 50-x godov XVI v. / Pod red. A.A. Zimina. M.-L.: AN SSSR, 1950. S. 208.
- Chichagov 1959 – Chichagov V. K. Iz istorii russkix imen, otchestv i familij: (Voprosy russkoj istoricheskoy onomastiki XV-XVII vv.). M.: Uchpedgiz, 1959. 128 s.
- Unbegaun 1989 – Unbegaun B. Russkie Familii: Per. s angl. / Obshh. red.. B. A. Uspenskogo. M.: Progress, 1989. 443 s.
- Uvarova-Danie'l' 2012 – Uvarova-Danie'l' I. Nemnogoe, chto pamyat' soxranila: O Mixaile Mixajloviche Baxtine // Zvezda, № 7, 2012. [E'lektronnyj resurs] <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/7/nemnogoe-chto-pamyat-soxranila.html> (data obrashheniya 12.07.2025)
- E'timologicheskij slovar' 1974 – E'timologicheskij slovar' slavyanskix yazy'kov: Praslavyanskiy leksicheskij fond. Vy'p. 1 / Pod red. O.N. Trubachyova. M.: Nauka, 1974. S. 170-173.
- Florenskij 1988 – Florenskij P. A. Vremya i prostranstvo // Sociologicheskie issledovaniya. 1988. № 1. S. 107-114.
- Bomhard 1994 – Bomhard A., Kerns J. The Nostratic Macrofamily: A study in Distant Linguistic Relationship. Berlin; New York. 1994. 932 p. [E'lektronnyj resurs] <https://www.proto-nostratic.ru/dic-bomhard/bomh-b.htm>
- Bakin History 2024 – Bakin History, Family Crest & Coats of Arms / Istorya sem'i Bejkin, famil'nyj gerb i geral'dika / [E'lektronnyj resurs] <https://www.houseofnames.com/bakin-family-crest> (data obrashheniya 10.09.2025)